

ДОРОГА К УТОПИИ ВЫМОЩЕНА ПРОТИВОРЕЧИЯМИ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА

СЕЧИН Д. С.

Сечин Даниил Сергеевич — аспирант, кафедра международного права Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия (d.sechin@spbu.ru).
ORCID: 0000-0002-6431-8064.

Аннотация

Идея суверенного равенства является основой функционирования современного международного права и аргументации в дискуссиях о нарушении права и его эффективности. Она отражена в основных правовых актах, однако на деле, прикрываясь ширмой равенства, сильные государства воздействуют на слабые, навязывая им свою волю. Методология исследования основана на изучении номоса равенства, то есть упорядоченности норм, существующей в правовом воображении. Номос формируется через различные контексты и институциональные структуры. Поместив номос в историческую ретроспективу, можно увидеть, как он менялся и откуда взял свое начало. Истоки идеи равенства восходят к языческим сообществам, где сформировались два глобальных видения порядка: плюралистичный космос и иерархичная вселенная. Христианские нарративы провозглашали всеобщее равенство и единение, но при этом они переняли видение порядка вселенной, которая выстраивала иерархию, исключая «не таких». Постепенно произошло изменение парадигмального взгляда, и разум стал основой познания. С разумом пришла идея прогресса и цивилизации. Цивилизованность обещала наступление равенства, ведь люди с помощью разума могли достичь благ европейского мира и сравниться с ним. Однако она также несла в себе неравенство и дискриминацию. Но в XX веке глобальный нарратив, описывающий все право, стал исчезать из юридической дискуссии. Одновременно с этим появилось множество новых нарративов, деконструирующих идею глобального порядка. В итоге номос равенства наполнен противоречиями и используется лишь как инструмент влияния, так как неравенство и дискриминация существуют в нем в силу восприятия порядка как вселенной. В результате концепция суверенного равенства оказывается противоречивой и бессодержательной. Вызванный этим кризис науки и права разрешается изменением культуры и отрицанием порядка вселенной. Метамодернистское видение мира предполагает возможность переустройства правопорядка на основе космоса и возникновения гомогенных плюралистичных режимов, каждый из которых построен на собственной системе ценностей. Российский проект равенства может опираться на идеи религиозной философии и концепции всеединства В. С. Соловьева, основанной на любви. Такой отдаленный проект утопии наполняет бессодержательное понятие равенства определенными ценностями и идеями.

Ключевые слова

равенство, номос, нарративы, христианство, цивилизованность

Для цитирования: Сечин Д. С. Дорога к утопии вымощена противоречиями: теоретическое осмысление принципа равенства // Журнал ВШЭ по международному праву (HSE University Journal of International Law). 2024. Т. 2. № 1. С. 19–37.

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.21690>

1. Равенство как правовой принцип. Куранты новой эпохи

Идея равенства легитимизировалась в международном праве через Устав Организации Объединенных Наций (далее — ООН, Организация), где первый пункт статьи о принципах закрепляет, что «Организация основана на принципе суверенного равенства всех ее Членов»¹. Равноправие народов отражено и в Декларации о принципах международного права 1970 года².

Декларация прямо указывает на одинаковые права и обязанности государств, которые являются равноправными членами международного сообщества, независимо от различий экономического, социального, политического или иного характера. Кроме того, в духе лучших работ по теории права она выделяет шесть элементов этого принципа, а именно:

- a) государства юридически равны;
- b) каждое государство пользуется правами, присущими полному суверенитету;
- c) каждое государство обязано уважать правосубъектность других государств;
- d) территориальная целостность и политическая независимость государства неприкосновенны;

¹ Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26 июня 1945 года), Статья 2.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 4 октября 1970 года № 2625 (XXV).

- е) каждое государство имеет право свободно выбирать и развивать свои политические, социальные, экономические и культурные системы; и
- ф) каждое государство обязано выполнять полностью и добросовестно свои международные обязательства и жить в мире с другими государствами.

Эти пункты описывают условия возможности государств общаться между собой на равных. Профессор Д. Ж. Бедерман писал, что из равенства государств, являющегося центральным постулатом концепции суверенитета, зародилась цель достижения справедливости. Кроме того, идея равенства привела к формированию норм права как нейтральных и общих, поскольку они должны применяться ко всем международным акторам одинаково³. Идея равенства прокладывает путь к утопии. В истории политической философии и философии права утопия связывалась со стремлением к справедливости и равенству, то есть к человеческому сообществу, где каждому воздается по заслугам⁴.

Ф. Фукуяма, автор широко известного, но оказавшегося ошибочным прогноза скорого «конца истории»⁵, точно уловил настроения, типичные для 90-х годов XX века, выразившиеся во всеохватном чувстве единства, поднявшемся на волне повсеместного распространения либеральных демократий⁶. Его работы были курантами, бой которых провозгласил наступление новой эпохи равенства и мира, обретших поистине эпический — едва ли не планетарный — масштаб. Концепция «конца истории» представляла собой эсхатологическую утопию, обещающую отказ от прежнего понимания истории⁷. В то время самые разные государства решали свои споры мирно. Так, Никарагуа⁸ и Науру⁹ в Международном Суде показали, что крупным западным государствам можно противостоять в правовом поле, то есть быть равными с ними и иметь одинаковый суверенитет, защищаемый одним и тем же правом.

Однако идея равенства, витавшая в воздухе, не смогла обеспечить окончательное установление миропорядка, где все государства общаются друг с другом как равные. В. Л. Толстых полагает, что порядок, созданный Уставом ООН, гарантирует соблюдение норм в меньшей степени, чем предшествующие режимы, и, по сути, ухудшает его качество по сравнению с классическим правом. Кроме того, международное право не способствует социальному прогрессу, усугубляя многие проблемы, которые оно намеревалось решить¹⁰. М. Коскенниemi констатирует, что в мире формального равенства и фактического неравенства структурное неравенство можно назвать делом случая и стечением обстоятельств — и наоборот¹¹. Проблема равенства и дискриминации не решилась: более развитые страны получили еще больше рычагов влияния на развивающиеся государства.

Многие государства Африки слишком бесправны, чтобы выйти из инвестиционных режимов, в которые они некогда вступили, или изменить их, по крайней мере, не опасаясь серьезных последствий, из-за чего М. Коскенниemi делает вывод о том, что возможность наслаждаться самостоятельностью распределяется по миру неравномерно¹². В разгар глобального кризиса 1980-х годов развитые страны при помощи Международного валютного фонда и Международного банка реконструкции и развития разработали пакет мер для урегулирования внешней задолженности развивающихся стран: в частности, выдача новых кредитов была привязана к проведению «структурной адаптации» экономики, выраженной в устранении протекционистских барьеров, приватизации предприятий и отказе от государственной поддержки компаний. Требования экономических реформ привели к тому, что компании в развивающихся странах оказались не готовы к конкуренции с западными транснациональными компаниями (далее — ТНК), а это, в свою очередь,

³ Bederman D. J. *The Spirit of International Law*. University of Georgia Press, 2002. P. 117. Однако он также и писал, что представления о справедливости и равенстве в международных отношениях могут быть утопическим заблуждением.

⁴ Cassese A. (ed.). *Realizing Utopia: the Future of International Law*. Oxford University Press, 2012. P. 428.

⁵ Лукьянов В. Ю. *Столкновение цивилизаций или конец истории? Теории С. Хантингтона и Ф. Фукуямы в XXI веке // Актуальные проблемы экономики и управления*. 2016. №. 4. С. 129.

⁶ Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. М. : АСТ, 2015. С. 7–8.

⁷ Кортунов А. *Несколько слов в защиту Фрэнсиса Фукуямы*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/neskolko-slov-v-zashchitu-frensisa-fukuyamy/> (дата обращения: 05.04.2023).

⁸ *Military and Paramilitary Activities in und against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 14.

⁹ *Certain Phosphate Lands in Nauru (Nauru v. Australia)*. Preliminary Objections. Judgment. I.C.J. Reports 1992. P. 240.

¹⁰ Толстых В. Л. *Кризис Международного права: Диагноз // Закон*. 2022. № 12. С. 125.

¹¹ Viñuales J. (ed.) *The UN Friendly Relations Declaration at 50: An Assessment of the Fundamental Principles of International Law*. Cambridge University Press, 2020. P. 188

¹² Cassese A. *Op. cit.* P. 37.

привело к приостановке реформ в сферах образования и здравоохранения¹³. Кроме того, при предоставлении финансовой помощи развитые страны выдвигают требования к ценностным основам развивающихся государств. Так, Великобритания в 2011 году отказалась от предоставления помощи государствам, где преследуются сексуальные меньшинства, поскольку власти этих государств видят в меньшинствах угрозу традиционным ценностям, основанным на религиозных нормах¹⁴.

По мнению М. Коскенниemi, причины неудачи, постигшей проект установления миропорядка, основанного на равенстве, лежат в восприятии основных понятий международного права, в частности «государство», «обязательства» и других, как истин, обретших реальное воплощение где-то в мире¹⁵. Отрицать существование государства могут только мечтатели, но и показать или потрогать государство не в состоянии ни один юрист. Государства существуют как некая часть коллективного воображения людей, что порождает бесконечные научные и научнообразные споры, которые кажутся неразрешимыми именно из-за «реальности» этих истин и вечно ускользающей возможности найти какой-то исчерпывающий ответ, пытаюсь переставить слова в определении, словно это некое заклинание, открывающее сакральные знания.

Выйти за пределы реализма и замкнутого круга аргументации возможно, рассмотрев такие истины в лингвистической и исторической ретроспективе. М. Коскенниemi, рефлексировав над своими критическими работами в области международного права, сводил его сущность *per se* к формуле «тексты, идеи, практика, истории и институты»¹⁶. В соответствии с таким подходом право может быть воспринято через номос (*nomos*). Для юриста из Йельского университета Р. Ковера этимология номоса уходит к греческому термину, обозначающему, во-первых, некую структуру, *космос* в античном смысле, объединяющий эстетику и порядок, и противопоставленный хаосу, а во-вторых, нормативный мир, созданный человеком в противовес *фюсису* (*physis*), то есть чему-то природному. Соединяя эти смыслы, Р. Ковер описывает номос как особый мир норм, пребывающий в постоянном напряжении между действительностью и видением того, что «должно быть», «что могло бы быть» и того «что есть»¹⁷. Номос предстает отдельным нормативным миром, который люди воспринимают через контексты и нарративы. Для него правовая традиция состоит из своего языка и своего мифоса — нарративов, в которые право ставится теми, чья воля на него воздействует. Мифы определяют парадигмы поведения, выстраивая отношения между нормативным и материальным миром. Нормативный смысл отражается в историях, с помощью которых простой набор предписаний получает силу¹⁸.

При этом понятие номоса прочно вошло в научный дискурс, оно используется в разных исследованиях, в частности в работах Карла Шмитта. Он сводит идею и значение номоса к пространственным категориям, связывая его с первым разделением и распределением земли¹⁹.

Понимание нарратива также плотно укоренилось в науке, однако широкую известность оно приобрело благодаря работам Ж. Ф. Лиотара, который писал о крахе великих рассказов²⁰, формировавших универсальность принципов просвещения. Кроме того, именно он провозгласил, что нарратив является основной формой любого знания²¹. Нарративная теория работает с историей людей в ее устной, письменной или визуальной форме²². Рассказываемая история, ее слушатели и контекст, оказывается связанной с базовой культурно-исторической структурой²³. Структуры нарратива определяют то, как эта история будет истолковываться и восприниматься. Например, кинофильм «Солярис» А. Тарковского и одноименный роман С. Лема рассказывают одну и ту же

¹³ Дегтерев Д. А. *Содействие международному развитию: Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи*. М.: Ленанд, 2016. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 63. Также общий вывод о влиянии неолиберальных ценностей, не допускающих других ценностей и влияющих на государства-доноров, изложен в работе Jakupc V. *Foreign aid: Cultural values and norms* // *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin*. 2017. Vol. 131. P. 209–221.

¹⁵ Koskenniemi M. *What is Critical Research in International Law? Celebrating Structuralism* // *Leiden Journal of International Law*. 2016. Vol. 29. № 3. P. 728.

¹⁶ Kennedy D., Koskenniemi M. *Of Law and the World: Critical Conversations on Power, History, and Political Economy*. Harvard University Press, 2023. P. 42.

¹⁷ Cover R. M. *Foreword: Nomos and Narrative* // *Harvard Law Review*. 1983. Vol. 97. P. 10.

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ Шмитт К. *Номос Земли*. СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 46.

²⁰ Для Лиотара великие рассказы являются силой, которой легитимировала знание, догмы и тому подобное, наподобие идей прогресса, просвещения и других.

²¹ Лиотар Ж.-Ф. *Состояние постмодерна*. СПб.: Алетейя, 2016. С. 54.

²² Saibih J. *Using Narrative Theory on Analysis of Law and Human Rights: Searching Truth on Tanjung Priok's Incident in Indonesia* // *3rd International Conference on Law and Governance (ICLAVE 2019)*. Atlantis Press, 2020. P. 273.

²³ Брокмейер Й., Харре Р. *Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы* // *Вопросы философии*. 2000. № 3. С. 29–42.

историю о таинственной планете, однако нарративно они абсолютно противоположны, так как нарратив Тарковского сосредоточен на психологической истории о Земле и прошлом, а Лем сфокусировался на фантастическом будущем и Солярисе²⁴. Нарративы равенства являются историями о взаимоотношении государств и о том, как они видят себя в мире. Рассматривая эти истории, можно понять проблемы и особенности функционирования принципа равенства в международном праве. Такой подход позволяет поднять вопрос равенства не только в контексте привычного исследования текстов позитивных норм и их сопоставления с фактическими результатами, основанными на анализе того, кто и как занимается практикой международного права и насколько это соответствует принципу равенства, а на исследовании самих текстов и их восприятии в правовом воображении.

2. По_чему звонит колокол? Исторический взгляд на принцип равенства

Воображение людей имеет исторические и культурные корни, определяющие контексты, в которых существует номос равенства. Формирующие его нарративы неоднородны, они постоянно изменялись, отражая эволюцию картины мира человека, поэтому исследование изменений номоса равенства позволяет понять его функционирование и проблемы. Международное право не появилось из ниоткуда. Народы взаимодействовали друг с другом на протяжении тысячелетий, но право возникло значительно позже первого контакта двух народностей, впитывая в себя уже устоявшиеся практики и традиции, естественным образом сформированные в процессе общения людей. Правила этого общения долгое время определялись христианской ценностной парадигмой, а также парадигмой цивилизованности. Именно эти нарративы сделали международное право таким, каким оно существует сегодня.

2.1. У истоков равенства

Языки, на которых формировалось современное европейское право, — латынь, греческий, французский, немецкий и другие — восходят к одному предку и имеют общую родину. Индоевропейские народы расселялись с территории Северного Причерноморья по территории Европы и Индостана начиная с 4000 года до н.э.²⁵ Они взаимодействовали с другими народностями и воспринимали их культуру и видение мира, поэтому в международном праве можно выявить особенности видения разных народов²⁶. Индоевропейские языки изменялись и распространялись по миру и переносили с собой структуры мышления языческого общества.

Понимание структур мышления и культуры того древнего общества возможно через анализ этимологии и случаев употребления отдельных слов, в частности лексических пар. Разумеется, в отсутствие массива текстовых источников логику индоевропейского языка возможно реконструировать лишь с некоторой степенью достоверности. Однако в нем отчетливо видно деление людей и народов по признаку «говорящий/неговорящий», так как говорить на языке, который понимается всеми, могут лишь разумные люди. Подобная бинарность взгляда на мир отражена, например, в хеттских и латинских текстах²⁷. Язык отделял не только своих и чужих, но и богов и людей, так как у первых есть свои языки и своя пища²⁸. Деление на своих и чужих проявляется в слове «немцы», происходящем от обозначения немых, не говорящих на общем языке, а также в слове «варвары», возникшем из звукоподражания речи негреческих народов²⁹. Соответственно, язычник делил всех людей на два сообщества: одно говорило с ним на общем языке, а другое — на «непонятном».

²⁴ Петрова С. «Солярис»: от научной фантастики до притчи и обратно. URL: <https://diletant.media/articles/45247262/> (дата обращения: 18.04.2023).

²⁵ Clackson J. *Indo-European Linguistics: An Introduction*. Cambridge University Press, 2007. P. 2.

²⁶ В частности, можно указать на семитские аспекты международного права. См.: Ben-Nun G. *How Jewish is International Law?* // *Journal of the History of International Law/Revue d'histoire du droit international*. 2020. Vol. 23. № 2. P. 249–281. Кроме того, китайские подходы к международному праву также исходят из других концептуальных основ. См.: Zuo A. *China's Approaches to the Western-Dominated International Law: A Historical Perspective from the Opium War to the South China Sea Arbitration Case* // *U. Balt. J. Int'l L.* 2018. Vol. 6. P. 21–55. Европоцентризм является безусловным пороком науки международного права, однако именно он обуславливает выбранные исторические нарративы.

²⁷ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы*. Тбилиси : Изд-во Тбилисского университета, 1984. С. 472–473.

²⁸ Там же. С. 476.

²⁹ Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Том 1. М. : Прогресс, 1986. С. 275.

В реконструированном индоевропейском языке можно обнаружить также и лексическую пару «свободный/несвободный», где к несвободным применялись разные наименования. Так, в индийской Ригведе наименование рабов «*Dāsa*» произошло от наименования завоеванного населения, которое сохранило и другое значение: «демон, враждебный людям», «чужеземец»³⁰.

Кроме того, каждый народ воспринимал себя как центр мира, что отразилось в мифе об оси, связывающей Землю и Небо. Этот центр мыслится как место творения мира, а поэтому — его наиболее сакральная точка, в которой может находиться камень Алатырь, столб-дерево и другие объекты, связанные с представлением о Мировом древе или Мировой горе³¹. Наличие типовых мифов в разных уголках Земли свидетельствует о том, что народы всегда ставили символы центра мира рядом с собой, так как считали себя неразрывно связанными с божественным и осью мира.

Соответственно, народы воспринимали себя как центр мира, признавая также богов и пантеоны других народов, на что указывают, например, мифы о титанах и разных поколениях античных богов. Одни народы отличали себя от других и ставили ближе к божественному именно себя, но при этом отношения между народами выстраивались в рамках особого порядка, являвшегося основой видения мира. Мифы о возникновении людей и появлении *космоса* были взаимодополняющими половинами одного вечного циклического процесса, в котором материя постоянно трансформировалась: камни становились костями, которые потом становились камнями, и так начиная с первоначального существа, из тела которого и возник мир и люди³². Из тела первоначального существа сформировалась и триединая структура общества, где жрецы происходили из его головы, воины — из верхней части тела, а крестьяне — из нижней³³. Поэтому слои общества были принципиально разными: как лев и рыба, жрецы и воины отличались друг от друга по своим характеристикам и природе. Космической частью порядка являлось и то, что общество управлялось жрецом, обеспечивающим поддержание целостности мироустройства.

Языческий *космос* возник на месте хаоса и бездны не как упорядочивание, единство и сведение всего к одному, но как постоянное преумножение деталей, словно сложный орнамент³⁴, который всегда добавляется к чему-то и состоит из ритмически упорядоченных элементов. Мир, населенный духами и богами, предполагает возможность сосуществования множества перспектив, истин и реальностей. Этот аспект языческой метафизики выражается в логике «а также». Большая часть гомеровских гимнов заканчивается словами «а теперь приступаю к другому я гимну». Таким образом, в цепочке гимнов всегда есть «и еще одна песня», а значит, всегда есть еще один бог или богиня³⁵.

Космос не существовал извечно. Из-за построения больших империй, вроде Греции Александра Македонского или расширяющегося Рима, менялось и видение порядка: сложноструктурный *космос* стал иерархичной *вселенной*. На смену существующему в *космосе* множеству богов пришло небольшое скопление истинных небожителей, которые сформировали пантеон. Это привело к появлению нового порядка — *вселенной*. В большинстве версий монотеизма единство вселенной вытекает из могущества и единства ее творца, создающего один порядок. Если бог един, то истина и реальность тоже единственны³⁶. Порядок вселенной происходит из буквального превращения всех в одного и упразднения разностей. Примером является восприятие иерархии в *Imperium Romanum*. В «Записках о Галльской войне» Цезарь сообщает, что германцы обзавелись опасной для римского народа привычкой переходить через Рейн и селиться в Галлии: «...Понятно, что эти дикие варвары (*barbaros temperaturos*) после захвата всей Галлии не удержатся... от перехода в Провинцию и оттуда в Италию...»³⁷. В «Институциях» Ульпиана вопросы рабства являются частью кодифицированного права, а в кодексе Гермогениана к этой сфере относится право, установившее, в частности, войну, разделение народов и основание царств³⁸. «Институции» Гая также закрепили рабство как часть общенародного права, которым пользуются все народы, и основное разделение лиц по принципу

³⁰ Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Указ. соч. С. 479.

³¹ Баркова В. В. *Мифы о народах и народы в мифах*. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. пед. ун-та, 2016. С. 17.

³² Lincoln B. *Myth, Cosmos, and Society: Indo-European Themes of Creation and Destruction*. Harvard University Press, 1986. P. 40.

³³ Ibid. P. 141–142.

³⁴ Кроме красивой метафоры, это еще и отражение смысла слова: *mundus* с латыни переводится и как мир, небеса, человечество, и как орнамент, декорации, женское платье.

³⁵ Kadmus A. *True to the Earth. Pagan Political Theology*. Gods&Radicals Press, 2018. P. 22–23.

³⁶ Ibid.

³⁷ Цезарь Г. Ю. *Записки о войне с галлами*. Кормак, 2015. С. 23.

³⁸ *Дигесты Юстиниана*. Т. I. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 85.

свободных и рабов³⁹. Порядок *вселенной* основывался на признании одной истины и упорядочивании ее в соответствии с одним образом и центром силы, отрицая все остальные.

Таким образом, номос равенства в языческих сообществах первоначально воспринимался как некий *космос*, сложная и витиеватая упорядоченная структура, в которой различия между народностями воспринимаются как что-то должное и часть общего порядка, будь то в отношении рабов или других народов. Этот порядок неразрывно связывался с миром и историями о его возникновении, а поэтому воспринимался как ценность. Однако с формированием первых крупных государств идея *космоса* сменилась идеей *вселенной*, в которой есть четкий центр власти и силы, определяющий иерархию и неравенство в обществе.

2.2. Христианство

В классической языческой теологии номос как отдельный мир законов реализовывался через логос — слово, но в христианскую эпоху данное отношение перевернулось. В Евангелие от Иоанна сказано, что «все чрез Него [слово] начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть» (Иоан. 1:3), поэтому можно сказать, что Средневековье характеризовалось особой онтологией, где весь мир и все вокруг человека дано Богом. Истина в таком случае основывается на толковании священных текстов. М. Хайдеггер пишет, что аргумент *ex verbo* составлял основу для научной деятельности и восприятия мира⁴⁰. Священные тексты утверждают единый порядок, который исходит из одного источника. Структура порядка, которая впитывается с религиозным мировоззрением, переносится на политику и видение мира.

Само по себе христианство неоднородно и состоит из множества разнообразных течений. Христианство существовало и связывало людей, предопределяя действия государств на международной арене еще до формирования международного права как отдельной профессиональной сферы.

Нарративы равенства можно увидеть в словах христианского апологета Лактанция, утверждавшего, что корень справедливости и фундамент равенства заключается в том, чтобы человек не совершал того, чего не хочет для себя, но мерил душу другого по своей⁴¹. Для него равенство — вторая составная часть справедливости, поскольку Бог, давший бытие и жизнь людям, пожелал, чтобы все они были равны, то есть одинаковы. Лактанций указывал, что греки и римляне не смогли поддержать справедливость и свою общность, так как в их обществах было много уровней неравенства. «Там, где все неодинаковы, нет равенства», и для исключения справедливости достаточно наличия неравенства. Поэтому христиане провозглашали свое моральное превосходство над римским обществом и его порядками⁴². В контексте социальной революции, когда преследуемая религия маргинальной группы распространялась по всему известному на тот момент миру, доводы Лактанция о равенстве были неотделимы от претензии на универсальность⁴³. Апостол Павел в Послании к Галатам обозначал идею равенства, так: «Нет ни иудея, ни язычника, нет раба и свободного, нет мужского, ни женского, ибо все вы одно — во Христе Иисусе» (Гал. 3:26). Идея равенства во Христе привела к формированию единого человечества и объединению народов идеей общего спасения.

Гуго Гроций, один из отцов-основателей международного права, транслирует общепринятый нарратив стремления людей к общежитию (*appetitus societatis*), данного ему от христианского Бога, которое и приводит к возникновению права, общего для всех народов. В понимании Гроция, государства проявляют свою волю в общих интересах, заключая международные соглашения. При этом речь идет лишь о христианских государствах, и, таким образом, способность соблюдать право, обусловленная верой в христианского Бога, не признается за народами иной веры.

Равенство христианских сообществ отчетливо видно в тексте Мюнстерского мира 1648 года, который заключили между собой христианские государи. Его преамбула повествует о том, как государства, вовлеченные в беспорядки долгой и жестокой войны, из-за которой пролилось много христианской крови, благодаря божественной благодати и дипломатическим усилиям Венецианской

³⁹ *Институции Гая*. М.: Статут, 2020. С. 19.

⁴⁰ Хайдеггер М. *Время и бытие*. М.: «Республика», 1993. С. 45.

⁴¹ Лактанций. *О творении Божиим. О гневе Божиим. О смерти гонителей. Эпитомы Божественных установлений*. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2007. С. 226.

⁴² *Christianity and Global Law* / ed. by R. Domingo, J. Witte-Jr. Routledge, 2020. P. 231.

⁴³ *Ibid.* P. 232.

республики постепенно формировали мысли о всеобщем мире, для достижения которого по взаимной договоренности и заключили это соглашение⁴⁴. Вестфальский мирный договор провозгласил единство христианского сообщества и его общую судьбу, однако он не привел к объединению государств Европы.

Христианские нарративы декларировали равенство государств и объявляли построение порядка в противовес дикости и неравенству. При этом христианское общество сталкивалось с другими народами и культурами на всем протяжении своего существования, но в силу порядка отказывалось принимать другие культуры за самодостаточные. Известнейшим примером такого неприятия являются слова аббата Арно Амальрика, произнесенные при штурме города Безье в 1209 году: «Убейте их. Знает ибо Господь тех, кто его». Эта фраза показывает, как универсальный нарратив, обещавший равенство, превратился в инструмент легитимизации неравенства. Г. Гроций писал, что одни сообщества свободны от неравенства, как, например, основанные на взаимных отношениях братьев, граждан, друзей или союзников, а другие допускают неравенство: те, например, где отношения подобны отношению отца к детям, бога к людям и царя к подданным. Соответственно, в разных сообществах существуют разные типы справедливости⁴⁵.

2.3. Цивилизационный нарратив

Христианский нарратив не смог обеспечить универсального равенства всех народов. Со временем оно теряло свою значимость, что во многом предопределяется сменой видения мира и его восприятия. Прежде всего изменилось отношение человека к миру и своей роли в нем. Человек от эсхатологической хронологии перешел к хронологии прогресса. Идея прогресса, характерная для модерна, наиболее явно показана в книге «Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума» Николя де Кондорсе (1743–1794), французского философа и математика. Он писал, что прогресс может быть более или менее быстрым, но никогда он не повернется вспять⁴⁶. Кроме того, Кондорсе поставил вопросы, сохранившие актуальность для осмысления идеи равенства:

Должны ли все народы когда-нибудь приблизиться к состоянию цивилизации, которого достигли нации наиболее просвещенные, наиболее свободные, наиболее освобожденные от предрассудков, как французы и англо-американцы? Это громадное расстояние, отделяющее последних от порабощенности наций, подчиненных королям, от варварства африканских племен, от невежества диких, должно ли оно постепенно исчезать?

В этом пассаже видно соотношение идеи цивилизации и прогресса. Н. де Кондорсе рассказывает, как народы использовали свой разум, шли по пути прогресса и стали цивилизацией. Цивилизация представлялась как безусловное благо, к которому необходимо стремиться всем. Государства Западной Европы считали себя цивилизованными и через эту призму смотрели на другие государства континента и мира.

Основа цивилизации лежит во внутреннем устройстве государств. Восприятие других государств как цивилизованных было основой для их восприятия как равных, именно поэтому сформировался нарратив о международном праве цивилизованных народов, ставший общепринятым в науке международного права.

Признанным авторитетом в международном праве той эпохи являлся Ф. Ф. Мартенс, и его авторское видение прекрасно передает видение права целой эпохи, поэтому современному исследователю допустимо ограничить себя изучением его нарративов права. В первом учебнике по международному праву на русском языке Ф. Ф. Мартенс отмечает, что правовые отношения могут устанавливаться только между государствами, автономными во внутреннем управлении и независимыми во внешней деятельности⁴⁷. Мартенс писал, что хозяйственная и экономическая деятельность создает из европейских народов одно общество, проникнутое стремлением к преобразованию средств, необходимых человеку для борьбы с окружающей его внешней природой и

⁴⁴ Treaty of Westphalia. The Avalon Project. URL: https://avalon.law.yale.edu/17th_century/westphal.asp (дата обращения: 18.02.2024).

⁴⁵ Гроций Г. *О праве войны и мира*. М. : Ладомир, 1994. С. 69.

⁴⁶ Кондорсэ Ж. А. *Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума*. М. : Гос. Соц.эконом изд-ва, 1936. С. 5.

⁴⁷ Мартенс Ф. Ф. *Указ. соч.* С. 293.

для развития духовных способностей и сил. Для удовлетворения своих нужд государства вступают в международные коммерческие сношения, заключают торговые трактаты и вступают в отношения⁴⁸.

Кроме того, Мартенс указывает на то, что государства равны перед международным правом, так как имеют одинаковые права, что вытекает из понятия международного общения. Равенство граждан есть «великое “теоретическое” начало, завоеванное европейской цивилизацией»⁴⁹. Перенос отношения между гражданами на международный уровень предопределил видение правопорядка. Соответственно, нарратив цивилизованности сделал из раздробленных европейских государств одно сообщество, объединенное общим уровнем прогресса. При этом идея цивилизации претендует на универсальность и применяется к другим государствам, которые оцениваются с точки зрения прогресса.

В предисловии к первому изданию, написанному в Светлое воскресенье 1882 года, Ф. Ф. Мартенс высказывает мысль о том, что все значение международных отношений и сила права основываются на общности связей, соединяющих цивилизованные народы⁵⁰. Он не определяет цивилизованность, но указывает, что «общие социальные задачи, преследуемые народами во взаимных сношениях, и одинаковые усвоенные ими нравственные и правовые воззрения — эти необходимые условия международного юридического порядка — выработались первоначально в Европе и до сих пор существуют далеко не во всех государствах земного шара», поэтому пространство действия международного права ограничивается народами, которые признают основные начала европейской культуры и достойны называться образованными⁵¹. При этом международное право может соблюдаться вне зависимости от религиозных верований, а для признания государств субъектами международного права необходимо, чтобы они «разделяли воззрения на разумные цели человеческого существования и назначения государства, выработанные вековой культурой цивилизованных европейских народов»⁵².

Ф. Ф. Мартенс полагал, что отношения с необразованными народами должны охватываться руководствами естественного права, то есть регулирования, вытекающего из нравственной природы и разума человека. При этом «цивилизированные государства должны подавать пример народам низшей культуры в добросовестном исполнении принятых на себя обязательств»⁵³.

Упомянутая выше работа Н. де Кондорсе пропитана нарративом о том, что цивилизация⁵⁴ может распространиться на другие народы, которые из-за объективных условий, вроде суровости климата или порабощения духовными деспотами, лишены ее благ. В силу этого многочисленные народы, «...по-видимому, ждут того, чтобы мы снабдили их средствами просвещения, и жаждут встретить в европейцах братьев, чтобы стать их друзьями и учениками»⁵⁵. В итоге согласно Кондорсе блага цивилизации распространятся на весь мир, так как однажды, по его словам, настанет день, «когда солнце будет освещать землю, населенную только свободными людьми, не признающими другого господина, кроме своего разума»⁵⁶.

Идея необходимости распространения европейской цивилизации по миру привела к возникновению цивилизаторской миссии. В своей противоречивой поэме «Бремя белого человека» Р. Киплинг раскрывает сущность взаимодействия развитых и развивающихся государств, демонстрируя, что миссия белого человека состоит в просвещении и цивилизации других народов: «*Take up the White Man's burden—The savage wars of peace—Fill full the mouth of Famine And bid the sickness cease*»⁵⁷. При этом отмечается, что народы не рады такому навязыванию: «*Take up the White Man's burden—And reap his old reward: The blame of those ye better, The hate of those ye guard*»⁵⁸, а сопротивляются, что во многом является причиной их дикости и нецивилизованности.

Иными словами, цивилизация всегда пытается распространиться на другие государства для того, чтобы вести их по пути прогресса. Это явление затронуло и европейские государства. Пример тому — история разделов Польши в конце XVIII века. Ф. Ф. Мартенс, давая историческую оценку разделам,

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Мартенс Ф. Ф. *Указ. соч.* С. V.

⁵¹ Там же. С. 183–186.

⁵² Там же.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Всегда в единственном числе, так как для него только европейская цивилизация — цивилизация.

⁵⁵ Кондорсэ Ж. А. *Указ. соч.* С. 226.

⁵⁶ Там же. С. 228.

⁵⁷ Неси это гордое Бремя — // Воюй за чужой покой — // Заставь Болезнь отступить // И Голоду рот закрой... (здесь и в сноске 58 — пер. А. Сергеева).

⁵⁸ Неси это гордое Бремя — // Ты будешь вознагражден // Придирками командиров // Да воплями диких племен...

указал, что их причины заключались и оправдывались «уродливым» государственным устройством Польши. Мартенс видел в анархии основания для уничтожения суверенитета этого государства. Он писал, что право может осуществляться только в отношениях народов, которые находятся на сравнительно равных ступенях правосознания⁵⁹.

Нарратив цивилизованности, описывающий построение равенства в мире и уход от дикарства, воспроизводит неравенство и дискриминацию. Основная проблема с определением цивилизации состоит в том, что это понятие наполняется смыслом через противопоставление дикости, варварству или менее совершенным формам государственного устройства. То есть нарратив цивилизованности транслирует историю о том, как одни государства перешли на иной уровень развития, став выше, чем те, кто еще пребывает в «дикости». При этом под дикостью может подразумеваться все что угодно.

Таким образом, в модернистской концепции времени цивилизация появляется не внезапно, но плавно заменяет собой дикость и варварство. Достигнув определенного уровня прогресса, цивилизация начинает претендовать на универсалистский характер, открытый для всех, что выражается в том, что присоединиться к «европейскому саду» могут все государства, перенявшие европейскую цивилизацию и ее блага. Европейская цивилизация не прячется от дикости и варварства, но открыта им, возлагает на себя бремя цивилизационной миссии и идет навстречу миру, принося цивилизацию в дикие народы.

Номос принципа равенства состоял из нарративов об исключительности одних народов по сравнению с другими и их возможности, а иногда и миссии, по распространению своего порядка на соседей, чтобы обратить их в свою веру или поднять до своего уровня цивилизованности, а точнее, сделать собой. При этом номос всегда проявлялся в историях о неких идеях, внешних по отношению к государству, будь то христианство или цивилизованность. Эти истории, в свою очередь, объединяли государства под сенью какой-то общей идеи.

Эпоха модерна утверждала равенство и воспроизводила различные нарративы равенства государств, однако все эти нарративы содержали в себе дискриминацию и утверждение неравенства. Идеи, зародившиеся в Европе для объединения стран внутри нее, пытались объединить весь мир. Причиной тому — нарратив равенства, который в силу своей природы предполагает универсалистский охват всех субъектов права на основе одного критерия. Однако на основании этого критерия из дискурса исключаются другие государства. Нарратив основывается на объединении людей, их противопоставлении и борьбе с другими неравными субъектами. Такое объединение заявляет о себе как универсальном и инклюзивном, а поэтому неизбежно сталкивается с другими культурами, что приводит к их восприятию как других, варварских.

Внутри принципа равенства государств имплицитно содержится стремление объединить все возможные страны в одно общество, на основе одной общности. Это приводит к неизбежному столкновению с другими обществами, которые не разделяют эту общность в силу объективных факторов или прямо ее отрицают. В таком случае нарратив равенства одних государств внутри определенного сообщества всегда приводит к дискриминации других сообществ или государств и представлению их как дикарей и варваров. Модернистскому нарративу равенства имманентно присущи основания дискриминации и неравного отношения к другим государствам.

Причины этого отчасти коренятся глубоко в истории и вызваны видением порядка как строго иерархичной *вселенной*, у которой есть определенный управляющий — первоисточник власти.

2.4. Падение нарративов

Постмодернизм изменил восприятие основных нарративов равенства. Причины этого отчасти связаны с некоторыми историческими событиями. Модернистские теории и нарративы об исключительности были переняты Карлом Шмиттом в начале XX века для обоснования претензий Третьего рейха на территории других государств. Он переработал идею цивилизации в идею больших пространств. Порядок больших пространств описывал сосуществование нескольких крупных политических единств в рейхе в качестве определяющего начала и гаранта нормальной ситуации внутри пространств⁶⁰. Представление о распределении пространства и являются подлинным основанием глобального правопорядка⁶¹.

⁵⁹ Мартенс Ф. Ф. Указ. соч. С. 112–115.

⁶⁰ Кондуров В. Е. *Политическая теология Карла Шмитта: теоретико-правовое исследование*: дис. ... канд. юр. наук. Москва, 2021. С. 172.

⁶¹ Там же. С. 181.

Эти идеи отчасти привели к оправданию насильственных действий и началу Второй мировой войны, которая поставила под сомнение все сформировавшиеся глобальные нарративы и теории, объясняющие природу права. Известный философ постмодерна Т. Адорно писал, что после Освенцима любое слово с возвышенными нотами лишается права на существование⁶², то есть фактически указывал на невозможность возвращения к абсолютным идеям модерна, из-за которых и произошли глобальные войны. Однако молчание означало бы поражение перед лицом цинизма и воззрений, допустивших Холокост, поэтому необходимо искать новые идеи. Эта проблема сформировала культуру постмодерна, где человек находится в постоянных сомнениях в целостности мира и даже реальности⁶³. Характер научного знания также сильно изменился, оно не воспринималось как точно определенное⁶⁴.

Противоречия, выявленные в нарративе цивилизованности, были настолько показательны, что сейчас государствам необходимо прямо заявлять о ней как об атавизме права. Об этом говорилось в ходе работы Комиссии международного права⁶⁵, а также при обсуждении реформы Международного Суда в шестом комитете Генеральной Ассамблеи ООН⁶⁶.

На рубеже XIX–XX веков коммунистическая идея стала бороться с идеей цивилизованного порядка и выступила ее антиподом, так как предложила альтернативный проект принципа равенства и мира. Октябрьская революция 1917 года открыла возможность утвердить новое толкование принципа равенства. Ленинские взгляды на равенство предполагали ликвидацию классов, отсутствие которых выступает отличительной чертой общества, основанного на коммунистических началах⁶⁷. Для Ленина формальное равенство было обманом, если оно не подкреплено экономическим равенством, определяющим равенство положений в общественном производстве, и только через равенство всех членов общества в отношении средств производства возможен переход от формального равенства к фактическому⁶⁸. В отношениях государств Ленин также отстаивал идеи содержательного, а не формального равенства, в том числе между социалистическими и капиталистическими странами⁶⁹. Эта политическая линия отразилась в подходе советских властей к международным соглашениям и поведению на международной арене, но со временем она вступила в противоречие с декларируемыми ценностями. Советская власть на основе принципа равенства признала Финляндию независимым государством, однако, когда там началась гражданская война, СССР активно поддерживал одну из сторон⁷⁰. Несмотря на попытки советской власти переиначить равенство и придать его содержанию новое измерение, оно сохранило свой формальный характер как инструмент реализации политики⁷¹. По-видимому, этот исход обусловлен тем, что ленинская идея равенства основывалась на том же модернистском видении иерархичного порядка, где социалистические страны ближе к утопии, а поэтому лучше, и, по сути, воспроизвела прежний иерархичный порядок в новом облики, при этом декларативно борясь с ним.

Процесс краха нарратива цивилизованности шел постепенно. Аргументация, основанная на этом нарративе, отдалялась от некогда неразрывной связи с правом. Дело *о Юго-Западной Африке* в Международном Суде стало значимым шагом в изменении нарратива, явно продемонстрировав, что право уже не получает силу от факта его создания цивилизованными народами.

Эфиопия и Либерия, представляющие Афро-Азиатскую группу стран, утверждали, что ЮАР нарушает мандат Лиги Наций на Юго-Западную Африку. Суду необходимо было выявить, сохраняет ли мандат Лиги Наций юридическую силу и сделала ли она все необходимое для его исполнения. Эфиопия и Либерия указывали, что система мандатов была основана для эффективного выполнения священного долга цивилизации. Цивилизация в виде организованного международного сообщества больше не олицетворяется Лигой Наций, — теперь ее полномочия, цели и принципы представляет

⁶² Адорно Т. В. *Негативная диалектика*. М.: Научный мир, 2003. С. 328.

⁶³ Ziborov O., Medushevskaya N., Sigalov K. *The Sociocultural Context in Law: Modernism-Postmodernism-Metamodernism // Wisdom*. 2021. Vol. 1. №. 1. P. 236.

⁶⁴ Лиотар Ж.-Ф. *Указ. соч.* С. 92.

⁶⁵ Second report on general principles of law by Marcelo Vázquez-Bermúdez, Special Rapporteur. A/CN.4/741. International Law Commission. 9 April 2020.

⁶⁶ Sixth Committee Begins International Law Commission Third Cluster Review, Debating General Principles of Law, Replacement Language for 'Civilized Nations'. URL: <https://press.un.org/en/2021/gal3649.doc.htm> (дата обращения: 26.02.2024).

⁶⁷ Karandashov I., Shestakova K. *The Principle of Equality of States in the Wake of the Russian Revolution // Russian Law Journal*. 2017. Vol. 5. №. 4. P. 19.

⁶⁸ Ibid. P. 20.

⁶⁹ Ibid. P. 24.

⁷⁰ Ibid. P. 34–35.

⁷¹ Ibid. P. 40.

ООН⁷². Заявители утверждали, что священный долг цивилизации состоит в обеспечении благополучия и развитии множества людей на подмандатных территориях⁷³.

Таким образом, страны, некогда сами признававшиеся нецивилизованными, стали апологетами идеи цивилизации и использовали этот нарратив для отстаивания своих требований и интересов.

ЮАР в своих предварительных возражениях отмечала, что именно колониальная политика западных стран с XVIII века описывалась как цивилизаторская миссия, предполагающая обязанности опеки и попечительства по отношению к колониям и их жителям. ЮАР ссылалась на доктринальную работу, в которой обосновывается, что приписывание более цивилизованными государствами себе цивилизаторской миссии в отношении остальных народов носило характер морального долга, принимаемого на себя колонизатором в качестве политического средства оправдания завоеваний и колонизации территорий во имя цивилизации. При этом юридические соглашения, которые заключались в конце XIX века и ограничивали работорговлю, не имели санкции, что привело к неопределенности природы обязательств в отношениях с местным населением⁷⁴.

Таким образом, ЮАР, которой в то время руководила национальная партия, состоящая из африканеров — потомков голландских колонистов, использовала нарратив цивилизованности совершенно иначе и утверждала, что цивилизаторская миссия была лишь оправданием колонизации, а потому не может создавать юридических обязательств.

Сам Суд относительно цивилизации указал, что принцип священного доверия цивилизации не имеет юридического содержания, которое могло бы относиться к конкретному мандату и порождать юридические права и обязанности⁷⁵.

При рассмотрении дела 1966 года по разным причинам отсутствовали трое судей, которые, скорее всего, проголосовали бы против решения. Один был только назначен на должность, второй был слишком слаб после недавно перенесенного сердечного приступа, а третьего — пакистанского судью — отстранили от участия в деле⁷⁶. Таким образом, при вынесении решения присутствовали семеро судей, от которых ожидалась его поддержка. Заявители, как и многие наблюдатели, были уверены, что при рассмотрении дела по существу их доказательства будут более убедительными, из-за чего последовал бы всплеск доверия к ООН как к прогрессивной организации. Однако решение по существу так и не было принято. По словам очевидцев, находившихся в зале в момент оглашения, это стало неожиданностью. Один британец вспоминал: «Кроме меня в зале суда было много людей, которые не верили своим ушам...», и где-то через 40 минут, когда стало понятно, что дело не будет рассмотрено по существу, в зале раздался тяжелый вздох⁷⁷. А. С. Исполинов замечает, что такое решение произвело тягостное впечатление на страны третьего мира и укрепило их восприятие Международного Суда как «суда белого человека»⁷⁸.

Дело о Юго-Западной Африке наглядно показывает, как нарратив цивилизации отошел от правовых обязательств и стал существовать отдельно, а разделение на цивилизованные и нецивилизованные страны стало связываться с историей и признаваться атавизмом международного права. Международный Суд подтвердил разрыв имманентной связи права и цивилизованности, но при этом все равно воспроизвел неравенство, отказавшись от рассмотрения дела по существу.

Нарратив цивилизованности не исчез из современного дискурса бесследно. Государства изредка продолжают его использовать, в частности Украина и Россия в споре, рассматриваемом в Международном Суде. Например, Польша для толкования конвенционального понятия «геноцид» и его применения в будущем основывалась на гуманитарной и цивилизующей цели Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Исключение споров о применении Конвенции противоречило бы таким целям⁷⁹. Великобритания также на основе цивилизующей цели Конвенции интерпретировала понятие геноцида и, соответственно, объект спора⁸⁰.

⁷² *South West Africa Case* (Observations of the governments of Ethiopia and Liberia), 1 March 1962. ICJ. P. 446.

⁷³ *Ibid.* P. 475.

⁷⁴ *South West Africa Case* (Preliminary objections filed by the government of the Republic of South Africa), 30 November 1961. ICJ. P. 313–314.

⁷⁵ *South West Africa Case*, Second Phase, Judgment, I.C.J. Reports, 1966. P. 6.

⁷⁶ Lowe D. *Australian between empires: the life of Percy Spender*. Routledge, 2015. P. 169.

⁷⁷ *Ibid.* P. 198.

⁷⁸ Исполинов А. С. О беспристрастности судей Международного Суда ООН при рассмотрении дела о Юго-Западной Африке // Российский юридический журнал. 2023. № 5. С. 35.

⁷⁹ *Case concerning Allegations of Genocide under the Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide (Ukraine v. Russian Federation: 32 States intervening)*. P. 49.

⁸⁰ *Ibid.* P. 57.

Таким образом, глобальный нарратив цивилизованности, который некогда был основным для международного права, постепенно перестал регулярно транслироваться, но воспроизводился лишь изредка для аргументации отдельных позиций на основе старых текстов, но не для онтологического восприятия права.

Параллельно с отмиранием глобального нарратива появилось множество новых идей и нарративов, описывающих международное право. Д. Кеннеди указывал, что основной философией права после 1945 года стало множество нормативных проектов реконструкции⁸¹. После краха великих рассказов, обещавших равенство и справедливость в праве, в формировании нарративов стали участвовать самые разные акторы. Голоса, которые раньше игнорировались и не воспринимались превалирующей европейской наукой, стали неотъемлемой частью дискурса права, в котором особое место занимает подход стран третьего мира (англ.: *Third World approaches to international law*, далее — ТВЕЙЛ). Для этого подхода нормы международного права являются инструментом империализма и порабощения, так как через право, отражающее «цивилизационные миссии», развитые страны глобального Севера контролируют страны глобального Юга и устанавливают «естественность» господства⁸².

Первое поколение ТВЕЙЛ боролось за деколонизацию и юридическое равенство, способствовавшие процессам образования новых независимых государств. Однако новые государства столкнулись с тем, что они все равно не могут существовать в одном ландшафте равенства с европейскими государствами. При этом сами нормы права не направлены на нигилистическое отрицание современного международного права, так как оно остается одним из последних хрупких инструментов защиты, доступных странам третьего мира⁸³. Представители ТВЕЙЛ намереваются сделать историю сопротивления развитым государствам неотъемлемой частью нарратива международного права, воздействуя на правовое воображение через литературные и художественные формы. Кроме того, они утверждают, что необходимо сотрудничать с другими критиками неолиберального подхода к международному праву и предложить конкретные изменения норм права («деколонизация международного права»)⁸⁴. Сегодня все отдельные человеческие сообщества постепенно становятся полноценными субъектами международного права, однако международный правопорядок еще не выработал методов и приемов, необходимых для регулирования всего международного сообщества в таком мире⁸⁵.

Итак, важной компонентой интеллектуального поля, окружающего вопросы равенства, является крах больших нарративов, обещавших наступление справедливости и равенства через принятие норм права. Крах не означает полного исчезновения нарратива цивилизованности из дискурса, но лишь указывает на то, что в науке международного права этот нарратив перестал играть роль единственной и самоочевидной истины. Параллельно идет процесс формирования новых нарративов, описывающих видение мира теми субъектами, которые до последнего времени не влияли на формирование права, поскольку пребывали в состоянии угнетения. Теперь же субъекты, некогда ограниченные в правах, получили голос и стали рассказывать свою историю. Это привело к формированию парадоксального и противоречивого ландшафта нарративов, сопровождающих каждое событие, происходящее в мире. В нем одновременно сосуществуют истории, имеющие одинаковую силу. Все они истины для тех, кто их рассказывает, однако ни одна из них не может претендовать на абсолютную истинность, стать лучше или правдивее, чем другие истории. Из-за постмодернистского столкновения одинаково истинных нарративов невозможно сделать однозначный выбор в пользу одного из них.

Номос принципа равенства сегодня состоит из противоречивых историй, описывающих одновременно и наступление общего порядка и борьбу с этим порядком. В зависимости от точки зрения меняется и оценка равенства, и того, как оно устанавливается в мире. Такое состояние номоса — закономерное следствие рефлексии и осознания структур историй о порядке, которые имплицитно содержат в себе неравенство и соответственно дискриминацию.

⁸¹ Kennedy D. *Two Globalization of Law & (and) Legal Thought: 1850-1968* // *Suffolk UL Rev.* 2002. Vol. 36. P. 631.

⁸² Chimni B. S. *Third World Approaches to International Law: A Manifesto* // *International Community Law Review.* 2006. Vol. 8. P. 15.

⁸³ *Ibid.* P. 26.

⁸⁴ *Ibid.* P. 22.

⁸⁵ Fatouros A. A. *International Law and the Third World* // *Virginia Law Review.* 1964. P. 818.

3. Время колокольчиков

3.1. Поиск нового порядка

Деконструкция идеи равенства через призму нарративного анализа подводит к парадоксальному выводу о том, что в самих правовых нормах содержатся неравенство и дискриминация. Построение большого нарратива о равенстве не может основываться исключительно на правовых идеях: такое равенство будет бессодержательно. Суверенное равенство является не проектом взаимодействия государств, но лишь фикцией, поддерживающей существование позитивистской картины мира и расширяющей возможности юридического ремесла в отношениях между государствами.

При этом принцип равенства содержит в себе имплицитное неравенство и дискриминацию, поскольку он основан на порядке *вселенной*. Однако такая принципиальная иерархичность в номосе равенства для многих является не недостатком, а преимуществом, так как позволяет могущественным государствам распространять свою власть и взгляды по миру. Причем сейчас это происходит в нарративе содействия развитию, аналогичном цивилизаторской миссии и основанном на тех же предпосылках прогресса и разума. Финансовое закабаление развивающихся государств происходит и через институты содействия международному развитию, и через деятельность различных ТНК. Для больших государств порядок, основанный на суверенном равенстве, очень удобен при продвижении своих интересов, поэтому можно предположить, что дефектность номоса равенства не приведет к отказу от принципа суверенного равенства. Большим государствам нет нужды провозглашать себя центрами цивилизации, метрополиями и так далее. Они и так получают этот статус через распространение своей культуры и нарративов, «продающих» определенное видение богатства и добра. В то же время малым государствам гордость и память о кровопролитной борьбе за равенство не позволят отказаться от принципа суверенного равенства. Поэтому, конечно, не стоит ожидать изменений Устава ООН или каких-то юридических переосмыслений правил взаимоотношения государств.

Однако вес накопленных проблем может подготовить почву для культурного переосмысления порядка сосуществования государств, которое повлияет и на право. Руины правовых теорий и нарративов предопределяют необходимость интеллектуального пересмотра устоявшихся больших проектов международного права.

Поиск чего-то нового в ландшафте разрушенных нарративов для западной науки может привести к обращению к идеям Востока⁸⁶ или прошлого, которое казалось простым и понятным, особенно на фоне развития технологий, нарастающих глобальных проблем, как экономических, включая кризис 2008 года и торговые войны, так и экологических, а также постмодернистской деконструкции культуры. Концепции пост-постмодерна для преодоления этих кризисов стремятся вновь обратиться и обрести опору в некогда отвергнутых и деконструированных вечных и общепризнанных идеалах. Примеры этого видны в современном искусстве, например в академической музыке⁸⁷ и других сферах⁸⁸. Наиболее распространенной и продуманной концепцией такого видения мира является метамодерн. В нем провозглашается принятие и учет идей прошлых эпох, а не их отсечение, как в постмодерне⁸⁹. Основная его внутренняя характеристика состоит в колебаниях (осцилляции) — постоянных раскачиваниях между разными идеями и ценностями, такими как модерн и постмодерн⁹⁰.

Метамодерн помнит о бессмысленности больших нарративов, но все же хочет поверить в какой-то из них⁹¹. Отчасти это верно и для России. Как отмечал председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин, Россия, не став полностью обществом модерна, столкнулась с новой для нее постмодернистской парадигмой устройства общественной жизни⁹². Н. Хрущева пишет, что метамодернистские тенденции срезонировали с культурно-философской решеткой русской культуры, в частности холизмом русской философии, объединяющей рациональное и интуитивное, внутреннее

⁸⁶ В частности, последние работы В. Л. Толстых показывают такой поворот на Восток для исследования новой онтологии права.

⁸⁷ Хрущева Н. А. *Метамодерн в музыке и вокруг нее*. М. : РИПОЛ классик, 2020.

⁸⁸ ван ден Аккер Р. *Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма*. М. : РИПОЛ Классик, 2020. С. 196–214.

⁸⁹ Там же. 45–46.

⁹⁰ Там же. С. 47.

⁹¹ Хрущева Н. А. *Указ. соч.* С. 11.

⁹² Зорькин В. Д. *Право метамодерна: постановка проблемы* // Выступление на IX Петербургском международном юридическом форуме. URL: <https://rg.ru/2019/05/16/zorkin-priverzhennost-vernoj-filosofii-prava-pozvoliaet-tvorit-dobro.html> (дата обращения: 26.02. 2024).

и внешнее, размышление и веру⁹³. Она верно отмечает связь между традиционной соборностью и вездесущей прозрачностью четвертой промышленной революции, где все попадающее в интернет оказывается на виду у всех, и, соответственно, идея братства становится единственной оправданной моделью взаимодействия людей. Религиозность, присущая русской философии, напоминает тоску по большим нарративам. Возможность религиозного отношения к праву и миру перерождается в виде стремления к новой целостности, включающей в себя постмодернистскую критику⁹⁴.

Таким образом, метамодерн формирует особые культурные рамки восприятия права. В России культурное восприятие права, основанное на колебании между большими идеями и постмодернистской деконструкцией, может основываться на модернистской религиозной философии, утверждающей большие нарративы. О. Шпенглер, немецкий культуролог начала XX века, выделял в каждой культуре некий прасимвол, некую действительность в языке ее форм. Россию он описывал через прасимвол бесконечной равнины, где душа растворяется в горизонтальном мире братской любви, антитезой которому выступает вертикаль эгоизма и стремления к самосовершенствованию. В творчестве Достоевского Шпенглер увидел, как герой Раскольникова является лишь безликим некто в «мы», и противопоставил его отточенному «я» Нехлюдова Л. Н. Толстого⁹⁵. Для него подлинно русское понятие правды означает безымянное согласие призванных⁹⁶.

Такие же идеи высказываются в работах В. С. Соловьева. Для него идея равенства и свободы была основой права. Отсутствие общего равенства, когда лицо, утверждая свое право по отношению к другим, не признает обязательными права этих других, приводит к неправде⁹⁷. Для Соловьева правомерный порядок утверждает нечто всеобщее и одинаковое, так как права обязательны для каждого, а таким объединяющим фактором является то, что все они одинаково являются лицами — самостоятельными и свободными существами. Таким образом, исходя из равенства как формы права, утверждается свобода как содержание права⁹⁸. В. С. Соловьев видел в правовом равенстве основу существования порядка.

Одновременно с идеей правового равенства В. С. Соловьев признавал, что в человеке присутствует божественный, или демонический, аспект⁹⁹. Человек не всеединое существо, а только бесконечно малая единица, имеющая вне себя все другое, поэтому достичь всеединства, своей естественной цели возможно только отказавшись от собственной отдельности, воспринимая и принимая жизненное содержание всех других, относясь к ним не как к границе своей свободы, а как к ее содержанию и объекту. В отказе от отдельности каждое существо не ограничивается другими, а восполняется ими¹⁰⁰. Такое единение, определяемое божественным началом в человеке, может быть основано исключительно на чувстве любви, в результате чего общество образуется как церковь¹⁰¹.

Кроме того, В. С. Соловьев писал, что универсальный нравственный принцип требует любить всех людей как самих себя, из чего логически вытекает нравственная обязанность любить все народности как собственную¹⁰². Существование такой обязанности не означает для В. С. Соловьева психологической одинаковости чувства, а только этическое равенство волевого отношения, то есть человек должен хотеть истинного блага всем народам, как и собственному. Такая любовь благоволения связана с пониманием и одобрением положительных особенностей всех чужих наций¹⁰³.

В сосуществовании правового равенства и религиозного стремления к построению всеединства на основе церкви проступает модернистское представление о большом нарративе, объединяющем все государства под некой общей идеей и утверждающем их равенство в чем-то внешнем. На практике эта идея выражалась в построении идей о братских народах. Братские народы считались равными друг другу, но при этом закрывались глаза на размеры и мощь государств, так как народы, исполненные любовью друг к другу, воспринимали своих соседей равными себе.

При этом В. С. Соловьев признает различия между лицами. В абсолютном порядке господствует полное единство всех в безусловной любви, но если бы между всеми не было никакого различия, то и

⁹³ Хрущева Н. А. *Указ. соч.* С. 130.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Шпенглер О. *Закат Западного мира. Очерки морфологии мировой истории.* М. : Азбука, 2023. С. 363.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Соловьев В. С. *Критика отвлеченных начал.* М. : «Наука», 2001. С. 145.

⁹⁸ Там же. С. 146.

⁹⁹ Там же. С. 149.

¹⁰⁰ Там же. С. 150–151.

¹⁰¹ Там же. С. 151.

¹⁰² Там же. С. 436–437.

¹⁰³ Там же. С. 438.

любовь не смогла бы проявиться. Единство было бы пустым и мертвым безразличием. Хотя каждый носит или выражает одну идею всеединства, он делает это по-своему, особенным образом, тем самым становясь необходимым и обретая основания бытия в абсолютном организме. Всеединство возможно только с учетом различий¹⁰⁴. Соловьев пишет, что все существа тождественны между собой по отношению к целому или в абсолютном, как все величины равны между собой по отношению к бесконечной величине, их взаимное отношение друг к другу различается в силу особенностей специальной идеи каждого существа¹⁰⁵. В концепции Соловьева идеальное духовное общество, представляющее абсолютный порядок человечества, основано на идеальной общности и идеальных различиях¹⁰⁶.

Идеал равенства основывался на представлении о всеединстве людей и их любви. Естественно, и эти нарративы содержат в себе ту же самую проблему, что и другие модернистские проекты. Собственно В. С. Соловьев сам писал, что то, во что народ верит, непременно признается безусловным и очевидным благом, чем-то хорошим, а поэтому оно признается таким и для всех других народностей¹⁰⁷. Нарратив равенства, основанный на идее братской любви и всеединства людей, исключает из истории всех тех, кто не рассматривается как братский народ, или тех, кто отказывается от идеи всеединства. Конечно, этот нарратив может быть деконструирован и показан как несостоятельный по аналогии другими большими нарративами, но в него хочется верить.

В таких культурных рамках можно предположить возникновение не большого нарратива, но истории большей, чем суверенитет. Необходимость обращения к новым идеям для взгляда на правопорядок приведет к тому, что их сравнение будет невозможно проводить лишь по одному критерию. Снятие короны универсальности с идеи равенства позволит ей вновь обрести смысл в небольших сообществах. Фрагментированное распространение идеи равенства, возможно, религиозного толка, позволит обеспечить равенство в небольших сообществах и построить порядок-космос: лишенный иерархичности однополярного мира, но содержательный и наполненный смыслом, объединяющий разные группы, внутри которого государства равны. Российский порядок может быть основан на национальной философии, закрепляющей любовь как основу всеединства и объединения лиц.

При этом такой порядок не претендует на универсальность, ограничиваясь лишь несколькими странами. Соответственно, номос равенства в новом мире основывается на историях о равных отношениях государств между собой в небольших сообществах, поэтому номос в нем многогранен и состоит из разных одинаково истинных нарративов, которые не стремятся охватить весь мир.

3.2. Влияние нового порядка на право

Представление о любви как основе гомогенного порядка, обеспечивающего равенство, является своего рода проектом утопии. Утопия как раз воплощает в себе ценностное ядро права, так как именно в идеальном построении общества идеи реализуются на практике. Постмодернистское восприятие прячет утопию за туманом деконструкции, тем самым лишая право ценностного содержания.

Изменение порядка приведет к адаптации и региональной интерпретации норм, лежащих в основании иерархичного правопорядка. Нормы *jus cogens* уже сейчас различаются содержательно в зависимости от культур и правовых традиций¹⁰⁸. Такой процесс станет тенденцией в связи с изменением видения порядка и равенства.

В отношении норм *jus cogens* их императивность и регионализм принципиально несовместимы, однако подход Межамериканской системы защиты прав человека обусловлен в первую очередь местными потребностями, так как Межамериканский Суд по правам человека признает ряд норм *jus cogens*, но делает это в конкретном контексте и для конкретной цели¹⁰⁹. Региональные нормы *jus cogens* неизбежно наполняются идеологическим содержанием. Одним из примеров такого наполнения

¹⁰⁴ Там же. С. 163.

¹⁰⁵ Там же. С. 164.

¹⁰⁶ Там же. С. 164.

¹⁰⁷ Там же. С. 436.

¹⁰⁸ Linderfalk U. *Understanding the Jus Cogens Debate: the Pervasive Influence of Legal Positivism and Legal Idealism* // Netherlands Yearbook of International Law 2015: Jus Cogens: Quo Vadis?. 2016. P. 70–72; Kadelbach S. *Genesis, Function and Identification of Jus Cogens Norms* // Netherlands Yearbook of International Law 2015: Jus Cogens: Quo Vadis?. 2016. P. 169.

¹⁰⁹ Lima L. C., Marotti L. *An Unlikely Duo? Regionalism and Jus Cogens in International Law* // Goettingen J. Int'l L. 2022. Vol. 12. P. 238–239.

является идея пролетарского интернационализма, обязывающего оказывать помощь социалистическим странам, которая, по мнению Г. И. Тункина, являлась нормой императивного характера¹¹⁰. Концепция региональных норм *jus cogens* страдает от концептуальных трудностей. Кроме того, многие государства прямо не соглашались с ней, а поэтому любая попытка определить основные критерии таких норм была бы крайне субъективной и произвольной¹¹¹. Несмотря на обозначенные трудности внутри позитивистской системы, смысловое наполнение таких норм сделает возможным построение порядка, обеспечивающего равенство.

В таком порядке метамодерн утверждает не ценностный релятивизм, где все ценности рассматриваются как одинаковые, а систему квазиерархических ценностей¹¹², то есть в каждом обществе, государстве или цивилизации можно выделить свои характерные иерархии ценностей. Данная квазиерархия не закреплена нормативно и не отражена в документах, но предопределена историей, культурой и даже университетской средой.

Из традиции модерна порядок *космоса* берет идею дифференцированного отношения к ценностям. Однако если едва ли не на всем протяжении истории международного права европейские ценности были «лучше» и превалировали над ценностями других народов, то в таком порядке европейские ценности ставятся в один ряд с ценностями иных культур и цивилизаций. Внутри этой системы ценностей приоритет отдается разным идеям, из-за чего в международно-правовом споре один набор ценностных аргументов воспринимается как более весомый, чем другой.

Список квазиерархических ценностей определяется для каждого отдельного человека и для определенных обществ. Социологи пытаются определить и сгруппировать разноуровневые ценности: например, база *World Value Survey*¹¹³ основывается на результатах опросов, проведенных почти в 100 странах мира. Такие опросы выявляют отношение людей к демократии, иностранцам, равенству и т.д. На основании результатов опросов формируются графики, отражающие отношение людей к категориям ценностей выживания/самовыражения, а также традиционным/секулярно-рациональными ценностям. Конечно, они не могут идеально отражать ценности того или иного сообщества, но результаты таких исследований выявляют различное отношение к ценностям, а следовательно, и к различным вопросам международного права, будь то система прав человека или выбор того или иного аргумента в международно-правовом споре.

4. Куда ведет дорога к равенству

Принцип равенства обещает наступление нового мира без дискриминации и неравенства. Если абстрагироваться от простоты текста принципов, то окажется, что в правовом воображении принцип равенства всегда существует в форме одной истории о том, как государства, находясь в неравном положении, объединяются по эгидой какой-то внешней идеи, на основе которой они смогут добраться до утопического мира без дискриминации. Однако в итоге благие намерения приводят к закреплению неравенства и его оправданию. После наступает разочарование в этой идее, и она исчезает из риторики, чтобы стать историей. Даже если идея будет имманентна государствам и пуста по содержанию, как идея суверенитета, то постепенно неравенство легитимизируется через разные нормы и институты, подобные гуманитарной интервенции или содействию международному развитию.

Причины повторяющегося кризиса во многом находятся в парадоксальности идеи, которая во имя наступления равенства выстраивает порядок вселенной, подразумевающий неравенство и исключение других. Выход из этого тупика возможен через интеллектуальное переосмысление основ правопорядка. Метамодернистская рецепция порядка *космоса* возможна при расширении фрагментации и формировании разнообразных порядков. Россия же, активно провозглашающая многополярность, может развивать свое видение принципа равенства на основе религиозной философии и концепции всеединства В. С. Соловьева.

¹¹⁰ Abdollahi M., Behzadi K. *Regional Jus Cogens: Conceptual Difficulties and Practical Challenges // Iranian Review for UN Studies*. 2020. Vol. 3. №. 2. P. 60.

¹¹¹ Ibid. P. 73.

¹¹² Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд : монография. М. : Проспект, 2021. С. 112.

¹¹³ The Inglehart-Welzel World Cultural Map - World Values Survey 7 (2022). URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 05.04.2023).

THE ROAD TO UTOPIA IS PAVED WITH CONTRADICTIONS: THEORETICAL UNDERSTANDING OF THE PRINCIPLE OF EQUALITY

SECHIN D.

Daniil Sechin — Doctoral Student, Faculty of Law, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia (d.sechin@spbu.ru).
ORCID: 0000-0002-6431-8064.

Abstract

In modern international law the idea of sovereign equality is the basis for its functioning and further argumentation in reasoning about the violation of law and its effectiveness. It is reflected in the main legal acts, but in fact under the screen of equality the strong states influence the weak ones, imposing their will. The research methodology is based on the study of the *nomos* of equality, that is, the ordering of norms that exists in the legal imagination. *Nomos* is shaped through contexts and structures. By placing the *nomos* in a historical perspective, it is possible to see how it has changed and where it originates. The origins of the idea of equality go deep into history to pagan communities where two global visions of order took shape: a pluralistic *cosmos* and a hierarchical *universe*. Christian narratives proclaimed universal equality and unity, but they also adopted a vision of order of the *universe* that constructed a hierarchy that excluded the “other”. Gradually there was a paradigm shift and reason became the basis of knowledge of the world. With reason came the idea of progress and civilization. Civilization promised the advent of equality, because people with the help of reason could achieve the benefits of the European world and compare with them. But it also established inequality and discrimination. But in the twentieth century, the global narrative describing all law began to disappear from speech and from law. At the same time, many new narratives emerged, deconstructing the idea of a global order. As a result, the *nomos* of equality is filled with contradictions and is used only as an instrument of influence, because in the *nomos* of equality itself there is inequality and discrimination due to the perception of order as a *universe*. As a result, the concept of sovereign equality is rendered meaningless. The longstanding crisis of science and law is resolved by cultural change and the denial of the order of the *universe*; the metamodernist vision of the world assumes the possibility of reordering the legal order on the basis of the *cosmos* and the emergence of homogeneous pluralist regimes, each based on its own system of values. The Russian project of equality can be based on the ideas of religious philosophy and the concept of oneness. Such a remote project of utopia fills the insubstantial notion of equality with certain values and ideas.

Keywords

equality, *nomos*, narratives, Christianity, civilization

Citation: Sechin D. Doroga k utopii vymoshchena protivrechiyami: teoreticheskoe osmyslenie printsipa ravenstva [The Road to Utopia is Paved with Contradictions: Theoretical Understanding of the Principle of Equality] // Zhurnal VSHÉ po mezhdunarodnomu pravu (HSE University Journal of International Law). 2024. Vol. 2. No. 1. P. 19–37 (In Russian).

<https://doi.org/10.17323/jil.2024.21690>

References / Список источников

- Abdollahi M., Behzadi K. (2020) Regional Jus Cogens: Conceptual Difficulties and Practical Challenges. *Iranian Review for UN Studies*, vol. 3, no. 2, pp. 33–74.
- Adorno T. V. (2003) *Negativnaya dialektika [Negative Dialectics]*. Moscow: Nauchny Mir. (In Russian)
- Barkova V. V. (2016) *Mify o narodah i narody v mifah [Myths about peoples and peoples in myths]*. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. ped. un-ta
- Bederman D. J. (2002) *The spirit of international law*. University of Georgia Press.
- Ben-Nun G. (2020) How Jewish is International Law?. *Journal of the History of International Law/Revue d'histoire du droit international*, vol. 23, no. 2, pp. 249–281.
- Brockmeyer J., Harre R. (2000) *Narrativ: problemy i obeshchaniya odnoj al'ternativnoy paradigmy [Narrative: problems and promises of one alternative paradigm]*. *Voprosy filosofii*, no. 3, pp. 29–42. (In Russian)
- Caesar G. Yu. (2015) *Zapiski o voyne s gallami [Notes on the war with the Gauls]*. Cormac. (In Russian)
- Cassese A. (ed.) (2012) *Realizing Utopia: the future of international law*. Oxford University Press.
- Chimni B. S. (2003) Third world approaches to international law: a manifesto. In: *The Third World and International Order* (pp. 47–73). Brill Nijhoff.
- Clackson J. (2007) *Indo-European linguistics: an introduction*. Cambridge University Press.
- Condorcet J. A. (1936) *Eskiz istoricheskoy kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Sketch of the historical picture of the progress of human reason]*. Moscow: Gos. Sots.ekonom izd-va. (In Russian)
- Cover R. M. (1983) Foreword: *Nomos and narrative*. *Harv. L. Rev*, vol. 97, pp. 4–68.

- Degterev D. A. (2016) *Sodeystvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Evolyuciya mezhdunarodno-pravovyh rezhimov i effektivnost' vneshney pomoshchi* [International Development Aid: Evolution of International Legal Regimes and Aid Effectiveness]. Moscow: Lenand. (In Russian)
- Domingo R., Witte Jr. J. (eds.) (2020) *Christianity and global law*. Routledge.
- Fasmer M. (1986) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4t* [Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Progress. (In Russian)
- Fatouros A. A. (1964) International law and the third world. *Virginia Law Review*, vol. 50, no. 5, pp. 783–823.
- Fukuyama F. (2015) *Konets istorii i posledniy chelovek* [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST. (In Russian)
- Gaius (2020) *Institutsii* [Institutions]. Moscow: Statute. (In Russian)
- Gamkrelidze T. V., & Ivanov, V. V. (1984). *Indoevropskiy yazyk i indoevropetsy* [Indo-European language and Indo-Europeans]. Tbilisi : Izd-vo Tbilisskogo universiteta. (In Russian)
- Grotsiy G. (1994) *O prave voyny i mira* [On the Law of War and Peace]. Moscow: Ladomir. (In Russian)
- Jakupec V. (2017) Foreign aid: Cultural values and norms. *Sitzungsberichte der Leibniz-Sozietät der Wissenschaften zu Berlin*, vol. 131, pp. 209–221.
- Justinian (2008) *Digesty* [Digests]. Moscow: Statute. (In Russian)
- Kadelbach S. (2016) Genesis, function and identification of jus cogens norms. *Netherlands Yearbook of International Law 2015: Jus Cogens: Quo Vadis?*, pp. 147–172.
- Kadmus A. (2018) *True to the Earth. Pagan Political Theology*. Gods&Radicals Press.
- Kalamkaryan R. A. (2006) *Filosofiya mezhdunarodnogo prava* [Philosophy of International Law]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Karandashov I., Shestakova K. (2017) The principle of equality of states in the wake of the Russian Revolution. *Russian Law Journal*, vol. 5, no. 4, pp. 8–42.
- Kennedy D. (2002) Two Globalization of Law & (and) Legal Thought: 1850-1968. *Suffolk UL Rev.*, vol. 36, pp. 631–674.
- Kennedy D., & Koskenniemi M. (2023) *Of Law and the World: Critical Conversations on Power, History, and Political Economy*. Harvard University Press.
- Khrushcheva N. A. (2020) *Metamodern v muzyke i vokrug neyo* [Metamodern in and around music]. Moscow: RIPOL Classic. (In Russian)
- Kleinlein T. (2011) *Konstitutionalisierung im Völkerrecht: Konstruktion und Elemente einer idealistischen Völkerrechtslehre (Vol. 231)*. Springer-Verlag.
- Kondurov V. E. (2021) *Politicheskaya teologiya Karla Shmitta: teoretiko-pravovoe issledovanie* [Political theology of Carl Schmitt: theoretical and legal study]. Moscow, 2021. (In Russian)
- Koskenniemi M. (2016) What is critical research in international law? *Celebrating structuralism*. *Leiden Journal of International Law*, vol. 29, no. 3, pp. 727–735.
- Lactantius (2007) *On the Creation of God. On the wrath of God. On the death of persecutors. Epitomes of Divine Institutions*. St. Petersburg: Oleg Abyshko Publishing House.
- Lima L. C., & Marotti, L. (2022) An Unlikely Duo? Regionalism and Jus Cogens in International Law. *Goettingen J. Int'l L.*, vol. 12, pp. 219–239.
- Lincoln B. (1986) *Myth, cosmos, and society: Indo-European themes of creation and destruction*. Harvard University Press.
- Linderfalk U. (2016) Understanding the jus cogens debate: the pervasive influence of legal positivism and legal idealism. *Netherlands Yearbook of International Law 2015: Jus Cogens: Quo Vadis?*, pp. 51–84.
- Lowe D. (2015) *Australian between empires: the life of Percy Spender*. Routledge.
- Luk'yanov V. Yu. (2016) *Stolknovenie tsivilizatsiy ili konets istorii? Teorii S. Hantingtona i F. Fukuyamy v XXI veke* [Clash of civilizations or the end of history? Theories of S. Huntington and F. Fukuyama in the XXI century.]. *Aktual'nye problemy ekonomiki i upravleniya*, vol. 12, no. 4, pp.126–133.

- Lyotard J.-F. (2016) *Sostoyanie postmoderna* [The state of postmodernity]. SPb.: Aleteya. (In Russian)
- Martens F. F. (1898) *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannyh narodov. Tom 1* [Modern International Law of Civilised Nations. Vol. 1.] St. Petersburg. (In Russian).
- Polyakov A. B. (2013) *Verhovenstvo prava, globalizatsiya i problemy modernizatsii filosofii i teorii prava* [The rule of law, globalisation and problems of modernisation of philosophy and theory of law]. *Pravovedenie*. Vol. 309, no. 4, pp. 18–30. (In Russian)
- Saibih J. (2020) *Using Narrative Theory on Analysis of Law and Human Rights: Searching Truth on Tanjung Priok's Incident in Indonesia*. In: 3rd International Conference on Law and Governance (ICLAVE 2019). Atlantis Press.
- Schmitt K. (2008) *Nomos Zemli* [Nomos of the Earth]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russian)
- Schpengler O. (2023) *Zakat Zapadnogo mira. Ocherki morfologii mirovoy istorii* [The Decline of the West. Essays on the Morphology of World History]. Moscow: Azbuka. (In Russian)
- Solov'yov V. S. (2001) *Kritika otvlechennyh nachal* [Critique of Abstracted Beginnings]. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Tolstykh V. L. (2022) *Krizis Mezhdunarodnogo prava: Diagnostika* [Crisis of International Law: Diagnosis]. *Zakon*, no. 12, pp. 122–133. (In Russian)
- van den Akker R. (2020) *Metamodernizm. Istorichnost', Affekt i Glubina posle Postmodernizma* [Metamodernism. Historicity, Affect and Depth after Postmodernism]. Moscow: RIPOL Classic. (In Russian)
- Viñuales J. E. (Ed.) (2020) *The UN Friendly Relations Declaration at 50: an assessment of the fundamental principles of international law*. Cambridge University Press.
- Ziborov O., Medushevskaya N., Sigalov K. (2021) *The sociocultural context in law: modernism postmodernism metamodernism*. *Wisdom*, vol. 1, no. 1, pp. 232–245.
- Zuo A. (2018). *China's Approaches to the Western-Dominated International Law: A Historical Perspective from the Opium War to the South China Sea Arbitration Case*. *U. Balt. J. Int'l L.*, vol. 6, pp. 21–55.